

Н. Н. Муравьев-Карсский
**Собственные
записки**

1829—1834

ВОЕННЫЕ

МЕМОУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Николай Муравьев-Карсский

Собственные записки. 1829–1834

1829–1834

УДК 82-94
ББК 63.4(2)47

Муравьев-Карсский Н. Н.

Собственные записки. 1829–1834 / Н. Н. Муравьев-Карсский —
1829–1834 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-907171-40-4

«Собственные записки» Н. Н. Муравьева-Карсского охватывают период с 1829 по 1834 годы. Автор рассказывает в них о своей дипломатической миссии по урегулированию кризиса между Египтом и Турцией, приведшей в итоге к подписанию блистательного для России Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. Значительное место уделено руководству штабом 1-й армии (1834-1835). Повествуя о малоизученном и поныне периоде отечественной истории, подробные и обстоятельные дневниковые «Записки» одного из самых разносторонне образованных и талантливых генералов эпохи Николая I погружают читателя в атмосферу внешнеполитической и придворной жизни Российской империи второй четверти XIX столетия. Публикуемые настоящим изданием «Записки» Н. Н. Муравьева-Карсского будут интересны не только специалистам в области истории и культурологии, но и широкому кругу читателей, живо интересующихся историей нашего Отечества и сопредельных с ним держав. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 63.4(2)47

ISBN 978-5-907171-40-4

© Муравьев-Карсский Н. Н., 1829–
1834

Содержание

Предисловие	6
Собственные записки	10
1829 год[6]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Николаевич Муравьев-Карсский

Собственные записки: 1829–1834

© ООО «Икс-Хистори», 2020

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

Предисловие

Данная книга охватывает временной период с января по июнь 1829 года, а затем с октября 1832 года по конец 1834 года. Впервые эта часть «Записок» Н. М. Муравьева была опубликована в последней четверти XIX столетия в журнале «Русский архив». С тех пор они ни разу не переиздавались, став за прошедшее столетие подлинной библиографической редкостью. Ценная для потомков в первую очередь именно своей редкой правдивостью и непредвзятостью, описывающая жизнь «как она есть», день за днем, без прикрас, эта часть «Записок» Муравьева является важным историческим источником, существенно расширяющим и дополняющим наши знания как о Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, так и в целом о политике Российской империи на Кавказе в этот период.

После Карса Муравьев под началом И. Ф. Паскевича участвовал в сражениях под Ахалцихом и последующем взятии этой крепости, был в боях при селении Чаборий. Затем записки обрываются. Муравьев не писал их более трех лет, так что о последних месяцах службы его на Кавказе и в Закавказье и об участии в подавлении польского мятежа сохранились сведения лишь в его формулярном списке. Он был одним из главных участников взятия Эрзерума в июле 1829 года и во всех военных действиях, окончившихся подписанием Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией.

Разногласия с графом Паскевичем вынудили Муравьева покинуть Кавказ. В феврале 1830 года назначен он состоять при фельдмаршале графе И. И. Дибиче, а с ноября командовал гренадерской бригадой 6-го пехотного (бывшего Литовского) корпуса. Участвовал в подавлении Польского восстания 1831 года. В 1831 году Муравьев был призведен в генерал-лейтенанты и в сентябре того же года назначен начальником 24-й пехотной дивизии.

Записки свои Муравьев возобновил в октябре 1832 года, когда состоялось его назначение в Египет: Муравьев был командирован в Александрию к наместнику Египта с Высочайшим требованием прекратить военные действия против Турции. Именно во многом благодаря дипломатическому посредничеству Муравьева, его искусству и такту был предотвращен, казалось бы, неминуемый крах Османской державы Махмуда II, этого «больного человека Европы», как все чаще стали называть в XIX веке в международной политике Турцию. Сумел убедить наш герой и пашу Египта Мухаммеда-Али (велеречивого лукавого старца, искусно создававшего у окружающих всем своим внешним видом и образом иллюзию такого добродушного простачка, сродни убежденному сединой продавцу сладостей с восточного базара, но обладавшему на деле непоколебимой волей, бешеной энергией и мертвой хваткой властолюбца) заставить своего приемного сына Ибрагим-пашу прекратить движение египетских войск на османскую столицу. Впрочем, как хорошо известно из истории, североафриканские повстанцы легко могли занять древний Константинополь: собственных сил для защиты столицы державы у османского султана Махмуда II (боевые генералы которого потерпели от значительно меньших по численности египетских войск не одно сокрушительное поражение) на тот момент уже не было.

События того времени много позднее Муравьев описал в книге «Турция и Египет в 1832 и 1833 годах» (Ч. 1–4. М., 1870–1874).

Для подкрепления серьезности своих намерений Николай I, желавший сохранить на Востоке некий статус-кво в виде проблемной, слабой и зависимой, но в целом прогнозируемой в своих действиях Турции вместо возможного появления на ее обломках целого ряда новых государств и перманентного хаоса войны вблизи южных рубежей России, направил в помощь дипломатической миссии генерала Н. Н. Муравьева эскадру российского флота под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева.

Ответ на мучивший и тогда, в 1833-м, и много позже, многих вопрос почему Турция запросила в критический момент своей истории помощи у России, своего многовекового заклятого врага, дал тогда же в беседе с английским послом сам Махмуд II, приведший известную мудрость о том, что когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее рад ухватиться, лишь бы не утонуть.

Дальнейшее хорошо известно и описано в многочисленных мемуарах, включая предлагаемые ныне читателю. В отчетах III Отделения за 1833 год об итогах действия русского правительства в Малой Азии можно прочесть:

«В начале года обращено было всеобщее внимание публики на действия нашего правительства в отношении к делам турецким. Действия сии произвели самое выгодное впечатление. Публика сравнивала в сем случае политику нашего правительства с политикой Франции и видела, с одной стороны, твердость, искренность и благородство; с другой – какое-то смешное шарлатанство и нахальство. Особливо разительное произвело тогда впечатление данное государем повеление эскадре и войскам нашим, посланным на помощь султану, оставаться в занятых ими местах, доколе Ибрагим не очистит Малой Азии и не перейдет обратно за Тавр, а паша египетский не покорится условиям, предложенным Портою. Народное самолюбие вполне было удовлетворено таковой твердостью правительства»¹.

Гораздо важнее другое: Босфорская экспедиция 1833 года, когда российские войска стояли на стамбульском рейде и у многих горячих голов мелькали мысли об использовании удобного момента для восстановления православных крестов над стенами древнего Константинополя, привела к подписанию между Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского договора. Этот союзный оборонительный трактат, заключенный сроком на восемь лет, предусматривал оказание сторонами в случае необходимости друг другу военной помощи. По секретной статье этого соглашения Россия отказывалась от военной помощи Порты, за что последняя обязывалась «ограничить действия свои в пользу императорского российского двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом»².

В отечественной историографии с того самого времени заключение Ункяр-Искелесийского договора почему-то считается чуть ли не вершиной российской дипломатии, дореволюционной так уж точно. Автор «Записок» в его подписании не участвовал: все-таки он был не профессиональным дипломатом, а прежде всего военным, и выполнял дипломатические поручения (надо признать, весьма удачно), в ходе своей службы царю и Отечеству от случая к случаю, в силу складывающихся внешне- и внутривосточных обстоятельств.

Так вот, будучи необычайно тонким, умным и проницательным наблюдателем, прекрасно зная по опыту своей предшествующей деятельности восточные языки, и что еще более важно – характер и образ мыслей людей Востока, Н. Н. Муравьев практически сразу после заключения между Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского трактата проницательно отметил в своих дневниковых записях как о фактической неспособности для его страны, руководствуясь текстом договора, обеспечить безопасность Черного моря от гипотетического вторжения третьих (читай – европейских) держав в случае возможной войны, так и неспособность Порты реально обеспечить, согласно условиям все того же договора, закрытие Проливов для военных кораблей других держав в случае возникновения у них с Россией военного конфликта:

«1. Турецкое правительство никогда не будет в состоянии знать заблаговременно об угрожающей ему опасности, и потому нельзя даже будет обвинять Порту в лживости расположения ее к нам, если она не позовет нас вовремя на помощь.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 196.

² Цит. по: Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. М., 2006. С. 147.

2. Турецкий флот по бездеятельности и слабости своей не только не будет в состоянии противиться вторжению в Дарданеллы; но даже будет взят и присоединен к неприятельским силам для действия против нас.

3. Когда неприятельские эскадры, стоящие обыкновенно близ Смирны, захотят вторгнуться в Черное море, то они будут бомбардировать Одессу прежде, чем узнают в Петербурге о вторжении их, и войска наши не только не успеют в Дарданеллы для обороны входа, но и не увидят Босфора прежде изгнания неприятеля из Черного моря...

Весь договор был написан без видимой обдуманности. Мелькали правдоподобие и возможность другой экспедиции; спешили кончить настоящую, опасаясь всеобщей войны в Европе, и думали положить основание будущего посещения нами Царьграда, трактатом, сделанным без всякого поручительства со стороны турок; ибо они до последнего дня падения своего могли еще признавать себя в силах держаться без нашей помощи.

Со своей стороны, сераскир, заключая условие секретной статьи, знал, что дарданелльские замки не в состоянии помешать вторжению, но, давая высокую цену мнимым силам знаменитого пролива, уже давно пришедшим в ослабление, он делал нам угодное и вместе с тем имел в виду скорейшее удаление наше. При том же Порта всегда могла оправдаться в случае вторжения, несколькими выстрелами, пущенными с дарданелльских батарей по неприятельским судам»³.

Вскоре после заключения Ункяр-Искеллейского договора Великобритания, опасаясь чрезмерного усиления России в Турции, ультимативно потребовала от державы Николая I запрета на проход русских военных кораблей через Дарданеллы в Средиземное море, что фактически делало для России его бессмысленным и неработающим: «они вскоре после заключения договора требовали от нас к запретительному условию дополнения, по коему бы равно и нашим военным судам был воспрещен выход через Геллеспонт в Средиземное море, на что... мы и согласились»⁴.

Но самое главное – Ункяр-Искелесийский договор с его тайной статьей, таким секретом Полишинеля, стал спусковым механизмом для формирования ведущими мировыми державами условий для международной изоляции России, что так наглядно и очевидно продемонстрировала спустя всего два десятилетия разразившаяся Крымская война, ставшая крахом всей восточной политики России и личной драмой ее самодержца. Но, как известно, нет пророка в своем Отечестве. Впрочем, это совсем другая история...

...По возвращении на родину Николай I должным образом (в его понимании) оценил заслуги Н. Н. Муравьева. В июле 1833 года Муравьев был пожалован в генерал-адъютанты, в апреле 1834 года назначен исполняющим обязанности начальника штаба 1-й армии. В том же 1834 году Муравьев составил записку «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии». Цель и содержание записки Муравьев объяснял в своем дневнике: «...я составил записку, в коей изложил горестное состояние, в коем находятся войска в нравственном отношении. В записке сей были показаны причины упадка духа в армии, побегов, слабости людей, заключающиеся большею частью в непомерных требованиях начальства в частых смотрах, поспешности, с коею старались образовать молодых солдат, и, наконец, в равнодушии ближайших начальников к благосостоянию людей, им вверенных. Тут же излагал я мнение свое о мерах, которые бы считал нужными для поправления сего дела, погубляющего войска год от году. Я предлагал не делать смотров, коими войска не образуются, не переменять часто начальников, не переводить (как ныне делается) людей ежечасно из одной части в другую и дать войскам несколько покоя»⁵. Записка заключала, несомненно, много ценных указаний, и

³ Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 433–434.

⁴ Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 433.

⁵ См. с. 464 настоящего издания.

даже император Николай I, сделавший на полях ее массу отметок, объяснений и замечаний на разные пункты, неоднократно начертал «справедливо».

Собственные записки 1829–1834

1829 год⁶

1-го числа января месяца я возвратился в Тифлис. Надобно было сделать какое-либо устройство в доме. Я видел необходимость привести все в единую власть и умериться, дабы впоследствии и последнего не лишиться...

Сколь ни тягостно было для покойной жены моей такое решение мое, но, зная обязанности свои, она в дело сие не мешалась и, приняв на себя управление дома, старалась сообразить и согласовать желания сторон...

Не менее того влияние, которое Прасковья Николаевна⁷ имела в доме, не могло совершенно прекратиться, и я часто находил себя в необходимости допускать оное, тем более что я душевно любил все семейство ее и принимал вышеизъясненные меры для общего блага нашего. Я совершенно допускал все ее распоряжения относительно маленькой дочери моей, по большой опытности, которую пожилые женщины в сем деле имеют. Жена моя была вторично уже беременна, а состояние требовало попечения обо всем доме, тем более что я готовился с весны к предстоявшему другому турецкому походу.

Мне было назначено произвести в то время много смотров. Оставалось еще осмотреть Херсонский гренадерский полк, Нижегородский драгунский, Сводный уланский, понтонную роту, саперный батальон, части карабинерного полка и гренадерскую артиллерию. Я не успел всего сделать до выступления в поход, ибо был занят и устройством бригады своей, и соображением получаемых мною смотровых бумаг, а между тем в конце следующего февраля месяца был командирован внезапно с отрядом для освобождения крепости Ахалцыха, обложенной турецким войском, собравшимся из Аджары. Смотры сии я окончил уже во время похода, а иные на обратном пути из оного, во время пребывания в Гергерском карантине осенью.

Но при собирании бумаг от полков Грузинского и Херсонского гренадерских, я нашел те неумеренные требования насчет свидетельств, которые делал Фридрикс для своего полка. Сие было им внушено, дабы не быть одному в неправильном ходатайстве своем. Симонич охотно следовал внушениям Фридрикса, и Бурцов, командовавший Херсонским полком, не упускал случая. Я не находил средств удовлетворять сим непомерным требованиям и показал оные Сакену⁸, ибо полковые командиры находили средства в разговорах с Паскевичем вырывать у него неосторожные изустные обещания и, основываясь на оных, входили с сими представлениями. Сакен знал и видел сие; но, избегая или неудовольствий, или умножения дел, оставлял все сие без внимания. Наконец я принял свои меры и, оградив себя письменным от него разрешением, выдал сии свидетельства, по коим, как я выше сказал, еще при выезде моем из Грузии не было ничего получено и, как я полагаю, вряд ли что получилось после того.

Готовясь к наступающему другому Турецкому походу, Паскевич возымел мысль сформировать временные войска из жителей закавказских владений наших: конные полки из мусульманских провинций, пешие из грузин. Конных полков было предположено иметь пять, один

⁶ Эта часть автобиографии написана по дневным отметкам в Житомире и Киеве весной и летом 1832 г., т. е. через три года после того, о чем в ней повествуется. Перед тем, во время приостановки действий тогдашней войны с турками, Н. Н. Муравьев, уже в чине генерал-майора, ездил из Тифлиса осматривать Грузинский гренадерский полк. – *Примечание П. И. Бартенева, далее – П. Б.*

⁷ Ахвердова, мачеха первой супруги Н. Н. Муравьева. – *П. Б.*

⁸ Начальнику штаба у Паскевича. – *П. Б.*

из Карабаха, один из Ширвани⁹, один из Нухи¹⁰, один из пяти татарских дистанций и один из Эривани и Нахичевани.

Каждый полк предполагалось иметь пятисотенный, разделенный на пять частей; всадники набирались из прежних ханских слуг и лучших обывателей в простом народе; они должны были иметь своих собственных лошадей и оружие. Командирами сих полков назначались русские штаб- и обер-офицеры; помощниками же к ним беки из самых лучших и богатейших фамилий, имеющие чины офицерские, как равно и сотенные начальники из таковых же назначались. Всем чинам сего войска производилось жалованье и выдавался провиант; для различия же полков, в кои предположено было выдать и знамена с татарскими надписями и номерами полков, было приказано иметь разноцветные кокарды на шапках всякому всаднику.

Проект сей был сделан с большой торопливостью, без подробного рассмотрения обстоятельств и средств и без всякого знания народов, с коих собирали сии войска, без внимания к частным сношениям лиц, коим поручалось начальство. Для исполнения сего были разосланы полковые офицеры, также мало что знавшие по вышеизложенным предметам.

Казалось бы, что вследствие таковых мер и не должно бы быть ни малого успеха. Случилось иначе, против всякого гадания моего. Полки сии собрались к назначенному времени, получили некоторое начало регулярного образования, выступили весной в поход, служили хорошо и были грозой для турок, совершая победы, одерживаемые нашими войсками в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительной быстротой и неотступностью, и чего прежде турки никогда не видели, будучи разбиты нами, они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстоянии 30 или более верст, теряя обозы свои, выюки и множество пленных. Как сие удалось, того не понимаю. Паскевич говорил, что ему в сем деле помог муждегид¹¹; но сие невероятно, как по ограниченности сего последнего, так и по различию вероисповедания с большей частью служивших в мусульманских полках. Не менее того собрание и образование сих войск свершилось под управлением Паскевича, и ему принадлежит слава сего учреждения, до коего никогда никто не достигал в таком совершенстве прежде его. Действия и подвиги сих полков, из коих один, 3-й, постоянно находился под моим начальством, будут описаны.

Устроение пешего ополчения шло не с таким успехом. Оно поручено было Завилейскому. Раевский, коему было поручено временное управление Чар и Белокана или, лучше сказать, надзор за оными (ибо лезгины сих областей, хотя и платили нам дань, но не были нами покорены), узнавши о сем намерении начальства, хотел тоже блеснуть влиянием, которое он полагал иметь над сими пограничными, независимыми и воинственными народами Кавказа. Он сочинил также свой проект о собрании с них ополчения и, написавши устав, в коротких словах, т. е. назначив им выдачу богатого содержания, разделил их на сотни и тому подобное. Он думал уже, что все сделал, приехал в Тифлис и с обыкновенной своею хвастливостью везде говорил о сем предполагаемом войске, показывал устав свой, который был и у Паскевича; но, как того и ожидать должно было, ничего из предполагаемого не состоялось: Раевский уехал к себе в Карачаг в полк, и тем все дело кончилось. Сие, по крайней мере, не имело никаких дурных последствий, но в самой Грузии дело пошло иначе.

В проекте, составленном Завилейским, значилось, что с каждых пяти дворов должно было выставить одного пешего вооруженного ратника. Правило сие, сближающееся с набором рекрут в России (коего в Грузии еще нет, и коего грузины весьма боятся), подало им мысль, что в Грузии хотели сим средством ввести рекрутские наборы. Мысль сия была поддержана

⁹ Ширван – историческая область в Закавказье на западном побережье Каспийского моря: от Дербента на севере до дельты Куры на юге.

¹⁰ Нуха (ныне – Шеки) – город на севере Азербайджана, в южных предгорьях Большого Кавказа.

¹¹ Муждегид (*прав.* муждахид) – искаженное наименование моджахеда, мусульманина, участвующего в джихаде.

армянами, которые, как говорят, разослали по всем уездам людей уговаривать, дабы сему противились.

Слухи сии дошли и до конных ополчений, отчего при формировании 3-го мусульманского полка, составленного из татар пяти дистанций, народа кочевого, грубого, необразованного, склонного к воровству и разбоям, сделался между сими татарами бунт. Но возмущение было остановлено при начале оного назначенным командиром полка сего Кизлярского войска есаулом Мещеряковым, поступившим в сем случае с осторожностью и умением. Полк собран, служил как должно и лучше других во всю войну.

В Грузии же сии слухи имели свое действие. Грузины и в самом Тифлисе говорили, что при царях бывали также ополчения для защиты города, что они всегда с удовольствием вступали в оное и дрались не щадя себя, что и теперь они на оное были готовы, и чтобы в таком случае не ограничивались принятием одного с пяти дворов, а чтобы взяли всех, могущих нести оружие, как в ополчениях у них водилось. Многие помещики, не имевшие настоящих документов на владение деревнями своими и находившиеся через сие в тяжбе с мужиками своими, желали рекрутского набора, надеясь через сию меру удалить из деревень людей, оспаривавших у них владения; они настаивали на исполнении мер, предпринимаемых правительством. Сие произвело в некоторых деревнях Карталинии возмущение. В одной деревне мужики схватили своего помещика, кажется, князя Цицианова, избили его и вышли даже из повиновения окружного начальства. Толпа сих мужиков собралась и отправилась к Тифлису. Паскевич, узнавши о сем, послал батальон Эриванского карабинерного полка под командой Бурцова, который тогда в Тифлисе случился, навстречу к бунтовщикам. Бурцов пошел с батальоном по дороге к Мцхету и, встретив бунтующую толпу мужиков, остановил их, поговорил с ними, успокоил их и разослал по домам, что они исполнили беспрекословно.

В Кахетии возмущение было сильнее. Телавским окружным начальником был состоящий по армии полковник Бахман, человек известный, как многие говорили и, как, в самом деле, казалось, по дурным правилам своим. Он служил прежде в России, где лишился командования полком, не знаю за что, был под следствием или под судом за корыстолюбие, как говорили. Не знаю в чем, только дело его было нечистое. Прибывши в недавнем времени в Грузию, он был назначен в Телав¹² окружным начальником и пользовался впоследствии времени расположением Паскевича, получил Херсонский гренадерский полк и был произведен в генерал-майоры. Жители Телавского уезда негодовали на Бахмана. Объявленный через него наряд на службу, при внушениях беспокойных людей, довершил всеобщее возмущение. Бахман, окруженный в своем доме толпою, помня участь телавского исправника во время бунта 1812 года (которого за обмеривание жителей при приеме провианта раздробили на части и уложили оные в неверные меры его), Бахман бежал и прибыл в с[еление] Загореджи, где была квартира Грузинского гренадерского полка. Но жители селения сего и тут искали убить его, и он скрылся на одном ротном дворе у солдат. Бахман мне, по крайней мере, сам рассказывал сии происшествия таким образом.

Как бы то ни было, ополчение во всей Кахетии не состоялось, и мужики стали собираться к Тифлису большими толпами. Чавчавадзе был послан, дабы остановить бунт в Кахетии. Мужики там успокоились, но хвалились, что они не дали себя в рекруты, и земские власти встречали во все течение сего года затруднения в сборе разных повинностей, как-то в наряде подвод и прочее: последствия ошибочных и необдуманных мер правительства нашего, дурного избрания начальников, наконец, неполного утешения возникшего от того мятежа между жителями (происшествия сии продолжались и во время открывшихся ранних военных действий, ниже описанных).

¹² Телав(и) – город в Алазанской долине Грузии.

Военные обстоятельства тогдашнего времени не позволили Паскевичу исправить надлежащим образом ошибку свою. Из-за границы приходили повторенные известия, что турки хотели с ранней весны предупредить нас в открытии военных действий.

Из Ахалцыха князь Бебутов неоднократно доносил, что Ахмед-паша Аджарский готовится сделать внезапное нападение на Ахалцыхскую крепость, что известия сии подтверждались и не казались сомнительными. Все сие приводило Паскевича в смущение; он то терялся и мнил лишиться всех завоеваний своих и славы, то становился ласков, доверчив, то снова хмурился, как вдруг пришло известие (через лазутчика, которого Бебутову удалось выпустить с запиской из крепости), что предместья уже наводнены аджарцами на рассвете, которого числа не упомню, стремительно занявшими оные, что он осажден и стеснен многочисленным войском Ахмед-паши, упорно наступающего для овладения крепостью. Паскевич, ходя по комнатам, всем рассказывал происшествие сие с преувеличением; обер-квартирмейстера полковника Вальховского от себя не отпускал, поминутно диктовал ему повеления, особливо в полки и разные отдельные части войск, по всей Грузии расположенные, дабы немедленно с получения сего выступали и шли как можно поспешнее к Ахалцыху. Повеления сии, в трех строках писанные, без связи, без соображения надобности в разных местах Грузии войск, без означения какого-либо распоряжения для начальства, без изложения мер к продовольствию, писались и в то же время рвались им же. Он совещался со всяким, кто бы только хотел приступить с советом, несмотря на звание, ни на способности лица. Его мучила мысль о потере приобретенной им в прошлом году славы и о гибели Ширванского полка, уже названного его именем, который он уже полагал поглощенным вместе с крепостью.

Бог знает, чего бы не произошло, если бы Сакен не вступился и не сделал распоряжения. Бурцову, как ближайшему к Ахалцыху, было предписано выступить с Херсонским гренадерским полком немедленно через Боржомское ущелье к Ахалцыху на освобождение сей крепости. Полкам Грузинскому гренадерскому, Крымскому пехотному, саперному батальону с артиллерией было назначено следовать из Тифлиса под начальством моим туда же через Карталинию. Отряд мой, к которому присоединили еще несколько казаков, был довольно значителен. Бурцову, опередившему меня, с места предписано было состоять в команде моей, составляя мой авангард.

Я выехал из Тифлиса 27 февраля. Экспедиция сия будет вслед за сим описана; но до сего изложу я происшествия, случившиеся в Тифлисе вскоре после выступления моего.

Собирание войск в Тифлисе из зимних квартир казалось Паскевичу слишком медленным. Не дожидаясь оно, я выступил с одним саперным батальоном; но он хотел ускорить прибытием вспомогательных войск к осажденной крепости. Конницы не было, а потому он выдумал послать туда конных грузин. Сакен, занимаясь делом, не препятствовал ему. Паскевич собирал к сему совещателей, князя Эристова и князя Мухранского, людей, коих ничтожность уже он сам признавал; но льстительные обнадеживания утешали его в сии минуты тревоги.

– Как собрать грузинскую конницу сейчас?

– Ничего короче нет, – отвечали ему, – приказать только полицеймейстеру.

– Полицеймейстер!

Явился Минченков.

– Прикажите сейчас собраться грузинской коннице, чтобы ехать на освобождение Ахалцыха.

Полицеймейстеру делать было нечего, как отвечать «слушаюсь» и выйти. Он должен был повиноваться. Уже не знаю, где он набрал конницу свою; только через полчаса или час он явился обратно на совет с докладом, что конница уже перед домом главнокомандующего собрана и ожидает его повелений. Исполнение соответствовало приказанию: полицеймейстер набрал по улицам или во дворах у некоторых князей или на водопое 15 конных оборванных грузин из конюхов, которые тогда же и были отпущены, и о сем более говорено не было; а Мин-

ченков, вероятно, очень доволен был, что так скоро и удачно исполнил возложенное на него поручение. Сие еще при мне и в мое присутствие случилось. О коннице более и речи не было в совете премудрых, который все еще не расходился и в коем находился и Завилейский.

Стали делать распоряжения для немедленного устройства в Тифлисе грузинской пехоты, как будто уже Тифлис должен был ожидать скорой осады от турок, и как будто у нас не было и войск для военных действий и защиты оного.

Эристов и Мухранский утверждали, что новое войско сие непременно должно разделить на части и назначить в каждую начальника, в чем и Паскевич с ними соглашался; более же сего мнения я никакого не слыхал на сем совете, исключая мнение Завилейского, который в сделанном им письменном проекте предлагал усовершенствовать сие ополчение прикомандированием к оному из полков для обучения офицеров, унтер-офицеров и барабанщиков, что всего более и пугало грузин. Ничего не могло быть забавнее сего шумного, суетливого и бестолкового совета, производившегося стоя на ногах, как бы для скорейшего окончания оного и решения разбираемых предметов, переносившегося быстро из одной комнаты в другую, по мере беспокойства, ощущаемого предстоятелем (а уже не председателем), около которого собирался кружок премудрых совещателей. Им казалось, что новые легионы должны были вмиг как бы из-под земли явиться и с барабанным боем пройти церемониальным маршем мимо создателя оных. Я был свидетелем сего, и несколько раз вопросы ко мне обращались. Не должно было показывать настоящего мнения своего о сем собрании, похожем на сборище сумасшедших в Обуховской больнице¹³, кое бы надобно водою разогнать. Я воздержался от смеха, и ответы мои были соответственны вопросам. Чем, наконец, решился совет сей, того не знаю; ибо я вышел для отправления выступающих войск под начальством моим; но вот что случилось после моего выступления сие мне рассказывали очевидцы.

Недовольный народ, собиравшийся в уездах, толпами приходил в Тифлис, где, соединившись с жителями Авлабарского предместья¹⁴, наполнил улицы, кричал и шумел. Посланы были пешие отряды для разогнания. Им давали дорогу; но говорят, что из толпы пускали камнями в солдат. Прибывший на место умершего Сипягина генерал-адъютант и генерал-лейтенант Стрелкалов сам поехал к толпе, собравшейся на которой-то площади и, быв также встречен камнями, возвратился. Наконец, к усмирению народа были посланы князья Эристов и Мухранский, которых, как говорят, тоже дурно приняли. Их упрекали тем, что они действуют в пользу русских, забыв соотечественников своих грузин, и утверждают (за справедливость ручаться не могу), будто князя Эристова где-то к уголку прижали и били по лысой голове дохлой кошкой, которую нашли в том месте, держа ее за хвост. Сие довольно забавно, и все знающие лично князя Эристова и длинную странную его наружность и приемы, много смеялись сему. В этот же раз, говорят, побили порядком богатого купца Кетхудова, который первый предложил сына своего в предполагавшееся ополчение; его упрекали в умысле польстить русским начальникам из личных видов своих. Толпа сия, наконец, разошлась, благодаря разным обещаниям, ей данным.

С другой стороны, Эристов и Мухранский, желая показать усердие свое и исполнить волю Паскевича, собрали толпу мальчишек на улицах. Между ними было и несколько молодых людей с ружьями. Навязали какой-то платок на палку вместо знамени и доложили Паскевичу о готовности ополчения, которое и прошло толпою мимо его дома с криком, визгом и хохотом под предводительством знаменитых двух князей, впереди шедших. Имевшие ружья стреляли холостыми зарядами вверх, как то всегда грузины делают в торжествах своих. На сей раз всякий присоединявшийся из любопытства к толпе сих мальчиков тем увеличивал оную. Все

¹³ Обуховская больница Санкт-Петербурга в начале XIX в. славилась на всю Россию своим психиатрическим отделением (первым в стране). В 1828–1832 гг. на базе этого отделения на Петергофской дороге была образована Больница Всех Скорбящих Радости – первая в империи специализированная психиатрическая клиника.

¹⁴ Авлабари – исторический район Старого Тбилиси.

сие делалось как бы на смех. Все порядочные люди из грузин смеялись и безвредному бунту тифлисскому, и странной процессии мальчиков, и непрерывным страхам.

Позднее, когда уже были получены известия от Бурцова об освобождении Ахалцыха, то сим воспользовались, дабы обнародовать толпе, что в собрании пешего ополчения миновалась надобность, и чтобы каждый оставался у себя дома покойным. Сим все прекратилось, в деревнях и городе все утихло; но народ втайне чувствовал победу свою и торжествовал...

В конце года и следующем 1830 году многие дорого поплатились за сии меры и страхи. По возвращении с похода в Тифлис неожиданно арестованы были лица из самых лучших фамилий. Более всего невзгода сия пала на князей Орбелиановых, в числе коих был и Мамука, молодой человек отличных правил, служивший некогда в полку моем, женатый на дочери князя Эристов¹⁵, посланный в прошлом году с трофеями, взятыми у неприятеля, и донесением к государю, наконец переведенный в Лейб-казачий полк и находившейся на бессменных ординарцах у Паскевича. Ему объявили, что он под судом по тайному следствию, над ним произведенному, за подущение народа к сопротивлению при наборе милиции. То же было объявлено и другим якобы соумышленникам его. У них были отняты сабли; но они имели свободу везде бывать, и никто их ни о чем не спрашивал, хотя они и полагались под судом. Не знаю, чем дело сие кончилось, только не полагаю, чтобы их нашли в чем-либо виновными, особливо Мамуку, который слишком уже обрусел и не имел никаких выгод действовать таким образом. Напротив того, он говорил, что всячески старается склонить жителей к повиновению, в чем состояла и существенная польза князей и дворян, находивших в рекрутских наборах одно средство к укрощению крестьян своих, вышедших из повиновения, и сие казалось мне весьма правдоподобным. Орбелианову прискорбно было подозрение, которое на него имели, но он был совершенно покоен на счет решения суда; боялся только, чтоб не приступили к каким-либо насильственным мерам без всякого исследования и обвинения, чего можно было ожидать.

Старик князь Эристов был в отчаянии.

– Мамука не виноват, брат, – кричал он. – Я вам доложу, если он виноват, я его сам застрелю; я повешу его сам.

Дело сие, казалось, было последствием крамолы и давнишней злобы некоторых на фамилию Орбелиановых. Говорят, что доносы на них были сделаны армянами, старавшимися через сие скрыть собственные свои поступки, противные мерам правительства при образовании ополчения, что армяне рассылали везде людей с различными разглашениями, и что главным доносчиком был сам известный Курганов, что весьма вероятно.

Средство произведения тайных следствий еще не было никому известно до того времени в Грузии, и говорили, что на сие употреблялся старый интендант Жуковский, который, казалось, уже и перестал заниматься по интендантской части, и все был болен или ездил на тайные переговоры к Паскевичу, просиживал с ним долгое время, и из сих сокровенных бесед выпускали его сердитого, встревоженного, злобного, со всеми признаками сумасшествия. Рассудок его без сомнения был помрачен.

Едва я получил назначение свое командовать отрядом, следующим на избавление Ахалцыха, как стали являться ко мне охотники, дабы служить в сих войсках.

Я терпеть не могу волонтеров при войсках. Люди сии, кроме того, что бесполезны, не имея прямого назначения, прямой обязанности, еще обременительны тем, что требуют прислугу, занимают место и непременно хотят всегда быть представленными, в чем им часто нельзя отказать, и чрез что лишаются награждения другие служащее при своих местах; но люди сии часто бывают и вредны, ибо, не имея дела, они часто заводят вздоры и делают расстройства между начальниками, не зная порядочно хода дела, распоряжений, видят все в превратном

¹⁵ Князь Мамука Тамазович Орбелиани женился 5 февраля 1827 г. на Кетеван Георгиевне Эристави, доводившейся дочерью князю Георгию Евсеевичу Эристову.

виде и излагают свои мнения обо всем, судя неосновательно. Но в сем случае я не мог от них отделаться.

Первый явился Абрамович, который был тогда еще в ничтожности при Паскевиче. Он немилосердно поносил его и рассказывал множество разных домашних происшествий его... Абрамович, уезжая еще из-под Ардегана, вынудил у меня обещание, в случае какой-либо отдельной экспедиции, взять его к себе. Хотя он мне был совершенно не нужен и более в тягость, я обещался мимоходом, полагая, что уже случая не предстанет и что, сделав ему сим вежливость, тем и кончится; но не тут-то было: на сей раз он сам пришел ко мне и убедительно просил меня взять его с собою, так что я принужден был доложить о сем, и его ко мне прикомандировали по особым поручениям.

Вслед за тем явился полковник Анреп, который командовал Сводным уланским полком, и также просился. Я всегда умел отделаться от сего человека, кажется, даже вредного. (У него были и припадки сумасшествия.) Я ему отвечал, что, не имея никакого места для него в виду в отряде, мне вверенном, я не могу просить о нем; но так как он приставал, то я ему сказал, что может сам проситься у Паскевича, что он и сделал, и его назначили ко мне же, и Анреп, оставив квартировавший в Ширване на Куре полк свой, явился ко мне. Не зная, куда его девать, я отправил его в авангард к Бурцову.

Третье лицо было всех занимательнее. Это Анненков, уланский поручик¹⁶, человек, исполненный учености и образования, но необыкновенный чудака, диковинной и противной наружности, и истинно сумасшедший. Я, кажется, упоминал о нем в описании Персидской войны и штурма Ахалцыха, где он был и ранен. Анненков был очень храбр, обращением же своим служил иногда общим посмешищем; иногда же, когда его выводили из терпенья насмешками и шутками, он бранился и дрался и умел остановить насмешников. При том же у него вырывались острые ответы. Он был доброй души и человек с образованием; разговор его бывал приятен. Лишившись недавно жены, он имел припадки ипохондрии и бывал жалок. Часто поступки его показывали совершенно сумасшедшего; он метался в огонь и искал опасностей. Анненков писал порядочно стихи и пользовался некоторым покровительством Паскевича по тому случаю, что он сочинил какие-то стихи в превознесение его за поражение персиян. В полку его не любили, для службы он был бесполезен и не знал ее, ненавидел и не занимался оною. Кроме того, он имел слабость к напиткам, которую поддерживали в нем забавлявшиеся его странностями; ибо он тогда более дурачился, пока не доведут его до бешенства. Забава сия долго продолжалась, и Анненкова все знали за пьяницу. Заметив, однако, сколько он себе чрез сей порок вредил, он, наконец, закаялся пить, захотев сделаться порядочным человеком, и точно воздержался на сие время. Но для меня еще мало пользы было в том, что он не пил; вернее было бы, если бы я от него мог совершенно отделаться, и как он также неотступно приставал ко мне, дабы я его взял, я его обратил также к Паскевичу, у коего он себе и выхлопотал позволение состоять в моем отряде. Не зная также, куда девать его, я его прикомандировал к Анрепу в авангард, и сумасшедшие герои мои отправились вперед, обоими берегами Куры, стараясь опередить друг друга на поприще славы.

Вот повеление, которое было мне дано по случаю отправления моего.

«Командиру Кавказской гренадерской бригады, господину генерал-майору и кавалеру Муравьеву.

Ахмед-бек Аджарский с войском, по полученным известиям, простирающимся до 20 000 человек, приступил к крепостям Ахалцыху и Ацхверу¹⁷. Для воспрепятствования ему сделать вторжение в Карталинию и

¹⁶ Ранее автор называл Анненкова штабс-капитан, видимо, здесь допущена ошибка.

¹⁷ Ацхвер (Адхвер, Ацхур) – в описываемое мемуаристом время небольшая османская скальная крепость в Боржомском ущелье, в 31 км к северо-востоку от Ахалцихе. Ныне село Ацкури Ахметского муниципалитета Грузии.

для освобождения означенных крепостей от блокады поручаю под начальство вашего превосходительства отряд, в который войдут следующие войска:

Грузинского гренадерского полка 2 батальона, Крымского пехотного полка 2 батальона, 8-й пионерный батальон, 12 орудий артиллерии по назначению полковника Долгова-Сабурова.

Войска сии, ваше превосходительство, направьте в Боржомское ущелье к блокаду, где присоедините к себе войска, состоящие под командою полковника Бурцова, а именно роты Херсонского гренадерского полка, которые не необходимо оставить в нынешнем их расположении. Донской казачий Леонова полк и пять орудий, расположенных в Сураме.

Для действий ваших руководствуйтесь предписаниями, уже по сему случаю данными полковнику Бурцову; не оставьте мне также, как можно чаще доносить обо всем происходящем, своевременно же получите дальнейшие приказания.

Для доставления всего нужного к удобнейшему проходу войск и для содействия вам к охранению границы и в других случаях нарядом земского ополчения подчиняется вам горийский окружный начальник, коему о сем и предписываю.

На отправление лазутчиков для получения сведений о неприятеле и на другие, могущие встретиться экстраординарные издержки, извольте принять от казначея коллежского советника Майвалдова пятьсот рублей серебром и сто червонцев.

Приписано собственною рукою Паскевича:

По получении достоверных сведений вы получите мое наставление. Отдайте сей час приказание к выступлению.

Генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский.
24 февраля 1829 г. Тифлис. № 149».

При сем была приложена записка от Вальховского, коей он уведомлял меня, что при отряде, мне вверенном, назначен состоять гвардейского Генерального штаба подпоручик барон Аш, офицер весьма достойный, которого я имел случай узнать еще в Персидскую войну.

Ко мне был еще назначен инженер путей сообщения подполковник Эспехо, испанец. Все сии прикомандированные чиновники и волонтеры были для меня совершенно лишние и даже обременительны; но вблизи главной квартиры иногда нельзя обойтись без подобного нашествия праздных людей, домогающихся награждений при начальниках отрядов.

24-го же числа ввечеру я сделал все нужные распоряжения насчет продовольствия и движения войск.

Войскам было назначено идти правым берегом реки Куры, не переправляясь через реку сию в Мцхете, а переправиться через реку сию в Карталинии близ селения Чалы, что недалеко уже от входа в Боржомское ущелье. По сему случаю я приказал: если бы я не прибыл к переправе к назначенным по маршрутам дням, то войска имели с оной посылать предварительные донесения свои к полковнику Бурцову, ибо 8-й пионерный батальон должен уже был выступить на другой день, 25-го числа, Крымский полк 26-го, а Грузинский гренадерский из своей штаб-квартиры с получения повеления. И так как я еще был задержан в Тифлисе различными распоряжениями и отправлением последних войск, то передовые, прибыв в Чалы (до коего места им только был выдан маршрут), могли затрудниться в дальнейшем следовании. Бурцов же к тому времени уже должен был находиться впереди Чал и держать Боржомское ущелье.

Эспехо я отправил в Чалы, дабы заняться устройством переправы. К 25-му числу был мною назначен смотр пионерному батальону при выступлении оного из Тифлиса.

Чума еще не совершенно прекратилась в Карталинии; иногда еще она показывалась и в полках. Не менее того, по случаю предстоящей крайности в скорых сношениях Паскевич предписал Сурамскому карантину всех едущих туда и обратно с экстренными бумагами в оном не задерживать, о чем и меня уведомил повелением от 25 февраля № 158.

25-го числа поутру я выпроводил из Тифлиса пионерный батальон¹⁸. Он был в ужасно дурном положении: иные не одеты, опущены, и много между ними было пьяных. Подполковник Третилевич, заменивший полковника Евреинова, не имел еще времени привести его в хорошее состояние. Евреинов же за различные беспорядки, и прежде того допущенные в сем батальоне, и более за то, что он уклонялся от следования в поход с сим батальоном, прослужившим первую турецкую кампанию без своего начальника, был отставлен от службы...

Весь день сей я занимался различными распоряжениями для будущего продовольствия вверенного мне отряда и заготовлений для учреждения переправы на Куре, сносился с разными лицами, требовал средств, посылал чиновников, занимался распоряжениями для исправления дорог и т. п., ибо ничего приготовлено не было.

Комиссионером по продовольствию войск был Зубалов¹⁹, человек во всей Грузии известный и занимательный, а потому и скажу нечто о нем.

Зубалов, родом простой крестьянин грузинский, занимался прежде покупкой и продажей хлеба, успел увеличить торг свой и, наконец, сделался богатым человеком, стал брать подряды для продовольствия войск, и все дела такого рода шли уже через него. Он скупал у помещиков хлеб и ставил оный почти во все магазины, и как он многим из них давал деньги взаймы, то уже считал своею собственностью все произведения полей, даже до сжатия оных. У него во всех местах были поверенные, и он, по требованиям войск, во всякое время и во всяком месте снабжал оные. Магазины же оставались ненаполненными, через что могло легко произойти, при неудаче Зубалова, что войска оставались бы без провианта. Комиссионеры находили выгоды поручать все Зубалову: сие избавляло их от хлопот, а Зубалов успел себе выхлопотать даже чин и мундир провиантского штата с петлицами. Он завел даже торг с Марселию, откуда ему на кораблях привозили товары в Редут-Кале²⁰. Человек сей был добрых свойств души, услужлив и, как из дел его видно, способен; он поддержал все семейство свое, вывел братьев своих и, дабы в случае неудачи не лишиться ему всего имения своего, списал оное на пятерых или шестерых братьев своих актами, так что, при разорении одной части, прочие оставались неприкосновенными. Детей своих он поместил в военную службу, дочерей выдал замуж за военных чиновников и со всеми жил в ладах. Помещики и князья его не уважали по низкому его происхождению, но многие были его должниками и потому находились в некоторого рода зависимости от него. Зубалов принял веру католическую и соорудил в Гори большой каменной костел; в нем жили и иностранные монахи сего исповедания.

При всех недостатках в продовольствии для вверенного мне отряда, происшедших, вероятно, от незаботливости комиссии, не было лучшего средства, как отнести к Зубалову; но и он в сем случае не нашелся в силах послать мне нужное с потребной поспешностью, и я считал необходимым командировать Абрамовича, как человека деятельного, дабы обеспечить главный предмет – продовольствие.

26-го числа я отправил из Тифлиса Крымский пехотный полк, который был весьма мал: в обоих батальонах не было 500 человек, потому что полк только перед тем временем был укомплектован рекрутами, которые все остались в Тифлисе; но полк сей был в хорошем устрой-

¹⁸ Имеется в виду 8-й пионерный батальон (с 1858 г. 1-й Кавказский саперный батальон).

¹⁹ Я. И. Зубалов (Зубалашвили) был родоначальником знаменитой во 2-й половине XIX – начале XX в. династии российско-грузинских меценатов.

²⁰ Редут-Кале – основанная в 1804 г. для защиты Мингрелии от турок русская крепость на побережье Черного моря в устье реки Хопи, в 18 км к северу от Поти. Ныне – поселок Кулеви в Грузии.

стве. Им командовал полковник Красовский, родственник генерала Красовского (он умер года два тому назад от холеры)...²¹

Паскевич полагал, что Боржомское ущелье не будет занято аджарцами и предписал Бурцову идти к Ацхверу; но Бурцов лучше сделал: ущелье уже было занято турками, Бурцов атаковал их, прогнал и освободил Ахалцых.

27-го числа я смотрел и отправил в путь часть артиллерии, назначенной к выступлению, и сам после того отправился. В сей день было ровно два года обручению моему. Я прибыл на ночлег в селение Зегви, где застал Крымский пехотный полк...

Дабы лучше понять действия Бурцова в Боржомском ущелье, я опишу вкратце положение оного.

Ущелье сие перерезывает цепь гор, разделяющую Карталинию от Ахалцыхского пашалыка; оно имеет около 40 верст длины. По всему протяжению сей теснины течет река Кура. При Карталинской оконечности сего ущелья, на левом берегу реки, построен нами деревянный блокгауз, а при Ахалцыхской оконечности крепость Ацхвер, которую мы взяли в 1828 году, на правом берегу реки. Дорога, которую мы с большим трудом прокладывали по сему ущелью, переходила с одного берега реки на другой, в самом ущелье два раза, потому что навесные скалы во многих местах упирались в самую реку. И потому мы должны были построить две переправы, а для защиты их – два укрепления с покрытыми блокгаузами, так как горы со всех сторон командовали сими укреплениями. Переправы сии (нижняя ближе к блокгаузу, а верхняя ближе к Ацхверу) были устроены на паромках, которые часто срывало от быстроты реки, особливо в половодие. Укрепление верхней переправы было еще только заложено, при нижней же оно было окончено. Кроме сего, между нижней переправой и блокгаузом был сделан мост через реку, и против оного также укрепление, которое и было названо мостовым: тут отделялась с левого на правый берег дорога, ведущая на горы и выходящая в Ахалцыхскую область близ Ацхвера, та самая дорога, по которой шел в прошедшем году отряд генерал-майора Попова на присоединение к нам из Карталинии. Все четыре укрепления, нами построенные, находились на левом берегу реки, крепость же Ацхвер на правом берегу реки, и против оной был старый турецкий деревянный мост на левый берег реки. Все наши укрепления имели от 8 до 10 верст расстояния между собою, и от верхней переправы было столько же до Ацхвера. Итак, следуя из блокгауза в Ацхвер, едут мимо мостового укрепления, и при нижней переправе переезжают на правый берег реки, при верхней опять на левый и против Ацхвера опять на правый берег Куры. Но если ехать в Ахалцых, то более через Куру не переправляются, и нет надобности входить в Ацхвер: большая дорога ведет все левым берегом реки через селения Цинис до самого Ахалцыха.

Боржомское ущелье есть одно из красивейших мест в Грузии. Быстрая Кура течет между скалами и горами, покрытыми лесом; в иных местах долина сия несколько расширяется и имеет до версты поперечника: тогда являются все красоты и богатства царства прозябаемых, тучные травы, цветы, разнородные деревья. Казалось бы, что поселившемуся в сем ущелье не должно бы никогда желать перемены своего пребывания, и ему бы достаточно было выехать иногда за Ацхвер, иногда за блокгауз, дабы увидеть равнину и навестить приятелей своих. Владеть красивым Боржомским ущельем есть мысль, которая мне всегда приходила, когда я проезжал оное.

В ущелье сем видны остатки населения. Замок Гогиевска, или Святого Георгия²², в отдельной горе, ныне пустой, представляет самый картинный вид. Кроме сего, по ущелью сему во многих местах на горах видны были остатки башен, церквей, недоступные пещеры, на зна-

²¹ На 1827 г. в армии состоял на службе только один генерал Красовский – Афанасий Иванович, но он дожил до 1843 г.

²² Читаевский монастырь Св. Георгия (основан в IX в.) был razорен в середине XVI в. во время походов персидского шаха Тамаспа I на Грузию. В конце 80-х гг. XX в. монастырь был отреставрирован, в начале XXI в. вновь стал действующим.

чительной высоте от реки в отвесных скалах и на горах выделанные. Наконец, в местах, где ущелье, расширяясь, делается долиной, видны следы бывших селений, хлебопашества. Словом, я восхищен красотою Боржомского ущелья и видел оное во всей красоте при обратном пути, когда я возвращался из Ахалцыха в Тифлис в конце марта месяца; в начале же месяца сего во многих местах лежал еще снег, было холодно, погода дождливая.

Ущелье сие еще важно по сосновым лесам, в оном имеющимся, которые в Грузии редки, и из сего места снабжается весь Тифлис строевым лесом, сплавом по реке Куру.

Бурцову надлежало занять и держать верхнюю переправу для сохранения сообщения между Ацхвером и Карталинией, но он не успел сделать сего и был в сем предупрежден неприятелем.

В собирании милиции он имел успех, по доверенности, которую к нему имели жители Карталинии, коим он незадолго перед тем показал свою деятельность и распорядительность прекращением между ними чумы. К успеху в обоих случаях способствовал ему тоже горийский окружной начальник майор Ильяшенко, человек честный, рассудительный и весьма усердный...

Бурцов не успел занять верхней переправы, и казачий офицер, коему сие было поручено, оказался оплошным. Если бы он взял надлежащие осторожности, то у него бы не захватили казаков, и как он уже видел невозможность держаться в неоконченном блокадном, то переправился на правый берег реки и снял паром; но он должен был сие заблаговременно сделать. Но переправа уже была снята, и блокада сожжена. Окрестности сей переправы всего более представляли удобства для боя, ибо местоположение при оном было довольно открыто, и тут можно было действовать артиллерией. Обстоятельство сие много возродило новых затруднений для Бурцова; тем более для него было чести, что он умел твердостью своею преодолеть оные. Он всего более опасался ответственности за неудачу, находясь в тесном месте, где он должен был защищаться рассыпным строем, для нас против турок всегда невыгодным, а потому и призывал меня; но и в сем случае он показывал много решительности и духа.

Вот что он писал мне от 28 февраля.

«Начальнику вспомогательного отряда генерал-майору и кавалеру Муравьеву начальнику передового отряда полковнику Бурцову рапорт. Дабы воспрепятствовать неприятелю овладеть ближнею переправою, я поставил сильный пикет впереди неприступных скал, через которые проходит едва приметная тропинка. Ныне поутру большие силы турецкие напали на сей пикет и угрожали овладеть переправою. Я выступил на подкрепление со всеми моими людьми и целый день поддерживал самое невыгодное и трудное для нас дело. Не было места, где бы более 10 человек фронтом могли держаться, и везде в таком бою неприятель был опрокидываем с уроном; почему и прибегнул он к другим средствам: взбираясь на высочайшие скалы, он оттуда бросал на наших тяжелые камни и принуждал уступить ему место. При всем том, храбрости гг. офицеров и нижних чинов одолжен я за удержание переправы в нашей власти. Ваше превосходительство, изволите быть известны, что положение сей переправы есть самое неудобнейшее в военном отношении. Сверх того, в двух верстах позади ее выходит по левому берегу Куры другое ущелье, именуемое Липканское, по коему неприятель всегда может отрезать войска, на переправе находящиеся. Причина сия побуждала меня держать и сие ущелье в сильной обороне, а от того при малых силах я везде был слаб. В сегодняшнем деле я потерял тяжело ранеными 2 унтер-офицеров и 10 рядовых; сверх того, ранено казаков два, брат князя Визирова, начальника милиции, и один карталинец; убит дворянин князь Чхеидзе. Завтра, должно полагать, неприятель возобновит такое невыгодное для нас дело, и я должен буду его удерживать. После жестокой канонады под Ахалцыхом, продолжавшейся полтора суток до нынешнего утра, не слышно более ни одного выстрела. Не должно ли заключить, что приближение мое отвлекает осаждающие войска от крепости и обращает их более к Боржому? Посланный в Ацхвер лазутчик сейчас возвратился, но никаких замечательных сведений оттуда

не доставил, кроме одного, что при сожжении Ацхверского форштата комендант сделал запас фуража более чем на 100 лошадей на одни сутки. Донося обо всем сем, я ожидаю от вашего превосходительства уведомления о дне прибытия вспомогательного отряда к нашей переправе. № 46. Полковник Бурцов. 28 февраля 1829 года. Бивак при переправе, в 3 верстах».

Бурцов называет меня в заглавии начальником вспомогательного отряда, а себя начальником передового: выражения сии употребил он уже и в предыдущем рапорте своем, и сие заметил я только ныне при прочтении сих рапортов. Бурцову, в течение похода сего, как можно было заметить, было тяжело находиться под чьею-либо зависимостью, тем более после дела, им описанного в сем рапорте и важных последствий, от одного происшедших. Он опасался, кажется, чтобы слава сего дела не отнеслась к начальнику всей экспедиции, т. е. ко мне, тогда как он один совершил оное, перенес на себя и всю опасность, и всю ответственность того затруднительного положения, в коем он находился, и в сем отношении я не могу похвалить его. Он знал меня коротко и не мог сего ожидать от меня. Ко мне не должно было относиться такое подозрение с его стороны: и правила мои, и давнишняя дружба наша не допустили бы меня до такого поступка. Ему принадлежит вся слава дела сего; она неотъемлема...

Сражение, которое он описывает, было ничтожное. Сие видно по числу раненых и убитых. При том же в деле была только одна или две роты; но не менее того, ожидать должно было гораздо большего, а бой, без сомнения, был невыгоден для Бурцова по местоположению, и людей его попятити назад; но он не терял духа. Впрочем, и силы неприятельские были не столь многочисленны, как он сие описывает; мне после говорили, что то не были турецкие войска, а большей частью жители Ацхверского уезда, собравшиеся из деревень по занятии турками предместий Ахалцыха и покушавшиеся разграбить ближайшие селения Карталинии, вероятно, в том предположении, что они не застанут сил наших в ущелье. Казаки уступили им верхнюю переправу; но как они встретили войска на нижней переправе, то вскоре и остановились; их было, как говорят, до 700 человек и большей частью без оружия. Может быть, предводительствовали ими посланные из турецкого осадного войска; покушения их были остановлены первыми выстрелами наших войск. Но, повторяю, в таких обстоятельствах Бурцов показал много духа и распорядительности, и его можно назвать защитником Карталинии и освободителем Ахалцыха. Он совершил истинный подвиг. Он ожидал на другой день опять нападения и готовился отражать оное, но сего не случилось.

1 марта я доносил корпусному командиру о том, что посылал набрать в горах 300 человек осетин.

Осетины, живущие в ущельях Кавказа, примыкающих к Карталинии, народ хищный и воинственный. Часть их повинуются нам и помещикам своим, далее же в горах они полагают себя свободными, а потому народ сей вообще зависит от свойств окружного начальника, от количества войск, которое мы имеем против них, наконец, от самых наших обстоятельств, и нельзя определительно назначить границу повинующихся нам осетин от неповинуемых, ибо она меняется по обстоятельствам.

В надежде, что мне удастся склонить из числа сих людей несколько сот хороших стрелков для следования с нами в Ахалцых, я послал к ним дворянина Алхазова; но осетины на предложение его не согласились, отзываясь неимением хлеба и тем, что и отцы их никогда не ходили на защиту Карталинии, и дело сие осталось без успеха. Осетины и после занимались иногда воровством, и в 1831 году Паскевич посылал против них экспедицию, что всегда изредка делалось из Гори, каковым средством и содержали их в некоторой покорности.

1-го числа марта, в вечернем приказании, было усилено движение вспомогательного отряда, коему велено идти без ночлегов, с одними привалами.

2-го числа я выехал из Худистава²³ и прибыл на ночлег в переправе. Проезжая через селение Казелы, я застал казачий полк Леонова, который выступал из своих квартир, и войскового старшину одного Грекова, всех их в полупьяном состоянии. Я поторопил их к выступлению. С частью же полка сего, находившиеся с Бурцовым, был войсковой старшина²⁴ Студеникин, донец старого века, молодец, храбрый, опытный и умный казак, который в сию экспедицию и в последующих за оную действиях отличился, был у меня с Бурцовым на особенном замечании и, выслужившись, получил чин подполковника и Георгиевский крест²⁵.

2 марта дал я, по случаю неисправного доставления продовольствия, вторично повеление окружному начальнику майору Ильяшенке.

«Обстоятельства, препятствующие успеху военных действий и происходящие от недоброй воли подчиненных ваших и упустительности людей, коим вы делаете поручения, заставляют меня предварить ваше высокоблагородие, что беспорядки сии могут иметь самые неприятные последствия; а потому, не сомневаясь ни сколько в деятельности и распорядительности вашей по исполнению воли начальства, я прошу вас взять самые строгие меры, дабы все требования были исполняемы с совершенною точностью, без всякого замедления. Из предметов сих главное состоит в доставлении фуража полковнику Бурцову, где бы оный ни находился. Ослушных чиновников, князей, дворян и крестьян, какого бы они звания и состояния ни были, изволите представлять ко мне, дабы с ними было поступлено по всей строгости законов. Завтрашнего числа к 10 часам утра прошу вас прибыть в Боржомский блокгауз для доставления мне изустно отчета во всем сделанном вами распоряжении к исполнению воли начальства».

Сие повеление подействовало. Число земских ратников стало увеличиваться, и когда я ехал Боржомским ущельем, то обгонял небольшие партии человек по 10 и 20 вооруженных мужиков, следовавшие под предводительством своих помещиков на присоединение к нашим войскам, так что мы сформировали полный пятисотный батальон из сих мужиков, который ходил с нами в экспедицию; мужики не разбежались, служили хорошо и возвратились по окончании всего в свои дома с богатой добычей. Собрание ополчения сего уподоблялось крестовому походу. Это было совершенное возобновление феодальной системы. В проезд мой через деревни Карталинии я старался собирать людей сих и платил им деньги; но так как я спешил и не мог долгое время сим заняться, то и не успел соединить их более 20 человек.

3 марта я переправился через Куру и прибыл к Боржомскому блокгаузу, где застал полковника Анрепа. Не зная, куда с ним деваться, я его отправил к Бурцову вперед, куда и Анненков поехал.

Сделав в блокгаузе некоторые распоряжения с окружным начальником для продовольствия, я поехал далее и прибыл ночевать к мостовому укреплению, где ночевал и казачий полк.

Я послал Бурцову 3-го числа следующее повеление:

«Усмотрев из донесения вашего высокоблагородия от 1 марта за № 58, что движением вашим оба берега Куры почти уже свободны от неприятеля, предлагаю вам, если соединитесь с Ацхверским гарнизоном, атаковать неприятеля, расположенного под Ахалцыхом в таком только случае, когда вы совершенно будете уверены в успехе: ибо всякая неудача, как вы и сами говорили в прежних донесениях своих, может повредить всей цели отряда, предназначенного к освобождению Ахалцыха, который может еще держаться. А потому полезнее полагаю, до моего прибытия с отрядом, ограничить действия ваши, согласно повелению г[осподина] корпусного командира, одною демонстрацией к сей крепости; по присоединении же к вам пио-

²³ Худистав (ныне – Хидистави) – село в Чохатаурском муниципалитете Грузии, в долине реки Губазеули, к востоку от хребта Санисло.

²⁴ Войсковой старшина – чин в казачьих войсках, соответствовавший в то время общевоинскому званию майора.

²⁵ Студеникин Гавриил Игнатьевич (1781–1844) за проявленные 1 и 2 июня 1829 г. в бою против турок при селах Дигуре и Чабории на Южном Кавказе храбрость и героизм через год был произведен в подполковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

нерного батальона, предписываю занять селение Ценис, между Ацхвером и Ахалцыхом, на левом берегу Куры лежащее, и удерживать оное пионерным батальоном до моего прибытия. На освобождение Ахалцыха идти не иначе, как в совершенной уверенности на успех, или в случае, если на крепость будет новый приступ».

Селение Ценис было одно препятствие, остававшееся для достижения Ахалцыха. Оно лежит в небольшой теснине, на половине дороги к Ахалцыху, и для того находил я необходимым занять оное заблаговременно.

Повеление сие было представлено мною Паскевичу при рапорте моем от 3-го же марта.

Того же числа я получил от Паскевича следующее повеление от 1 марта за № 199.

«По рапорту ко мне полковника Бурцова от 27 февраля, я разрешил ему, выбив неприятеля, занять вторую переправу, ожидать головы колонны вашего превосходительства, а потом уже следовать к Ацхверу для действий согласно с прежде данными ему предписаниями, но оставляя для прикрытия второй переправы достаточное число людей и даже весь пионерный батальон. Впрочем, исполнение сего предоставил я ближайшему его усмотрению, сообразуясь во всяком случае с приказами вашего превосходительства. О чем извещая вас, считаю нужным обратить внимание ваше, что скоро приближается время разлития Куры, и потому предлагаю вам озаботиться поспешнейшим устройством переправ через оную и окончанием разработки дороги, употребив для сего милицию или сделав особый наряд из жителей, если сие нужным найдете».

Сие повеление Паскевича, как и все прочие его распоряжения, получено уже после исполнения. Употребление милиции для работы показывает, сколь малое понятие он имел о вещах и в особенности о грузинах. Возможно ли было убедить их, что они войско, когда их оставляют назади для работ, и можно ли бы удержать сие войско от побегов, держа его сзади, когда надобно было пользоваться первым порывом их и вести их вперед, дабы удержать их на первых порах? Но Паскевич хотел видеть в них с первых дней постоянство и терпение регулярного войска, забывая про неудачи при наборе сей милиции в Тифлисе и Кахетии.

3-го. Остановившись ночевать при мостовом укреплении, я еще сделал распоряжения для следования транспортов с провиантом, которые и послал к окружному начальнику и Абрамовичу, остававшемуся в Гори на сей предмет до выступления всех запасов.

Бурцов доносил мне из лагеря при Ацхвере от 3-го числа:

«Приказание в[ашего] пр[евосходительст]ва о занятии крепости Ацхвера сего числа в 9 часов утра мною исполнено. Неприятель, занимавший дорогу, при появлении войск наших отступил по горным тропинкам. Пикеты его занимают высоты в 4 верстах отсюда. В ночи он присылал партию для уничтожения моста при Ацхвере; но партия сия, встреченная пушечною и ружейною пальбою из крепости, убежала, успев очень мало в своем намерении».

Любопытствуя видеть поле сражения Бурцова, я отправился на сем переходе от нижней переправы к верхней пешком левым берегом реки (ибо там не было возможности верхом проехать), лошадь же свою большей частью вел в поводу, взбираясь на каменные ступни скалистых гор. Место сие точно было весьма трудное, и не полагаю, чтобы Бурцову удалось из одного выбить неприятеля, если б оный стал держаться. В самых затруднительных местах были еще переложены небольшие стенки из камня вышиной около аршина, в оврагах же были сделаны балаганы из еловых сучьев (полагать можно было на 600 человек). Тел убитых я нигде не видел; если какие и были, то турки всегда имели достаточно времени, чтобы их убрать. Можно с основательностью заключить, что сие было сборище мужиков Ацхверского пашалыка, не ожидавших никакого сопротивления при вторжении в границы Карталинии, для разграбления соседственных деревень грузинских, и отступивших, когда они увидели, что грабить им можно было только с бою, к чему они не готовились и, вероятно не имели средств по недостатку оружия и устройства.

4-го. Я получил от Сакена уведомление об отправлении ко мне кёгорных мортир для выбития неприятеля из завалов, если бы оный стал держаться. Мера сия оказалась впоследствии лишней.

Бурцов, прибывши в Сакунети, что впереди Адхвера, встретил казака, посланного от Бебутова с запиской к старшему воинскому начальнику, следовавшему со вспомогательным войском, в коей он уведомлял, что турки на рассвете того дня сняли осаду Ахалдыха и бежали. Содержание записки сей, без сомнения, касалось Бурцова, равно как и меня. Оно было причиной внезапного выступления Бурцова и прибытия того же дня в Ахалцых; но Бурцов должен был о том уведомить меня, чего он не сделал, а написал от себя рапорт к корпусному командиру. Поступок сей был непохвален, и Бурцов в глазах сослуживцев своих сим помрачил отчасти все отличные действия свои к освобождению Ахалцыха. Относительно же меня он показал слишком мало доверенности и нарушил самый порядок службы. Не менее того рапорт его я послал в подлиннике к Паскевичу, не приложив к оному от себя ни строки о счастливом событии сем.

5-го числа я поехал далее и близ селения Цениса встретил один батальон Херсонского полка и возвращавшийся народ из Ахалцыха в Гори в Боржомское ущелье для работ. Сие было сделано распоряжением Бурцова с согласия Бебутова, дабы не обременить крепостных.

В селении Ценисе я получил от князя Бебутова рапорт от 5-го же числа.

«4-го числа в 5 часов утра войско, осаждавшее Ахалцых, начало отступать в беспорядке от города, почему я, взяв часть гарнизона и два легких орудия, преследовал его далее деревни Суклис. Неприятель потерпел значительный урон, причем отбито у него 4 пушки, одна мортира, два знамя, значительное число снарядов, и взято несколько пленных; остальная часть войска потянулась в Поцховский санджак. О дальнейшем движении неприятеля не имею еще сведения; но по внезапному и беспорядочному отступлению его можно заключить, что все силы неприятеля перешли уже через горы и вступили в свои границы».

В рапорте сем прибавлено излишнее о потерпленном, будто неприятелем значительном уроне. Турки почти ничего не потерпели при снятии осады; вообще же винят Бебутова, что он опоздал вылазкой. С другой стороны, нельзя его совершенно обвинять в сем: трудно было ему угадать вскоре настоящее намерение турок, и он, может быть, имел причины с осторожностью и осмотрительностью не ослаблять гарнизон скорой и сильной вылазкой.

В следовании моем от Ацхвера к Ценису я заметил, что дорога в трудных местах была перекопана турками, и мосты поломаны, что они сделали при своем отступлении; но сие было уже все исправлено следовавшим по сему пути пионерным батальоном. Далее от Цениса до Ахалцыха дорога была везде хорошая. Я прибыл к вечеру в Ахалцых и, приняв рапорты Бебутова и Бурцова, стал расспрашивать их о действиях их. Оба гордились оными, но Бебутов показывал более скромности. Он выдержал сильную осаду и от оплошности своей (ибо он не содержал допреж сего крепости в исправности), не истребив заблаговременно предместий, много потерпел и был в опасности, потому что аджарцы воспользовались ближайшими строениями, засели в них и били любого в амбразурах, в коих даже не были поделаны деревянные щиты; с ближайших же высот могли видеть внутренность крепости и по улицам достигали пулями людей наших. Неслыханное дело, что они в первый день поранили и убили в самой крепости ружьями до 100 человек; но вскоре взяты были меры, и урон в следующие дни уже был весьма мал. Через близкий подступ к крепости осаждающие имели средства подвести весьма легко подкоп под одну башню, но они не успели подорвать оную, как были принуждены отступить. Нет сомнения, что честь защиты принадлежала Бебутову; но он не хотел признавать или, по крайней мере, мало признавал заслугу Бурцова, коего быстрое и решительное движение по Боржомскому ущелью понудило аджарцев отступить. К такому несознанию служило, может быть, поводом то, что Бурцов хотел все себе приписать и перехваченной им запискою Бебутова дал главнокомандующему первый известие об освобождении Ахалцыха.

Со стороны Бурцова некоторым поводом к неудовольствию на Бебутова служило следующее происшествие.

С давних времен существовала вражда между полками Ширванским пехотным (названным ныне полком графа Эриванского) и Херсонским гренадерским. Причиною сего было давнишнее соревнование сих полков. Херсонцы прежде отличались наружным видом своим и устройством; ширванцы, напротив того, были всегда замарашками. С другой стороны, ширванцы имели заслуженную славу боевого полка; херсонцев же всегда укоряли в неудачах и даже трусости, напоминая им потерянные ими в 1811 году под Ахалцыхом орудия²⁶, и на них вообще в деле всегда мало полагали надежды. В 1828 году они поправили отчасти несчастную славу свою при штурме Ахалцыха, и начальство отдавало им справедливость; но ширванцы с ними не мирились и в насмешках своих говорили, что на знаменитом приступе сем херсонцы только скидывали сапоги с убитых и даже раненых ширванцев. Вражда сия давно укоренилась в сих полках; вообще херсонцев не любили во всем корпусе, и они никогда не смешивались с солдатами других полков, которые никогда не приглашали их на кашу, как то водилось в других полках, если вновь прибывающие в лагерь опаздывали варить, и сами херсонцы никогда не славилась гостеприимством.

С поступлением Бурцова в Херсонский полк, он приложил всевозможное старание для исправления несчастной славы полка своего и для сближения одного с другими полками, в чем он и надеялся успеть после смелых и удачных действий своих к освобождению Ахалцыха, защищаемого ширванцами. Прибыв в город, он тотчас пошел в госпиталь, где лежали раненые ширванцы и, выхваляя доблести их и терпение, сказал, что весьма доволен тем, что в сей раз херсонцам удалось принять столь сильное участие в славном деле освобождения Ахалцыха и оказать тем услугу храбрым ширванцам. «Мало делу помогли», – отвечали ему в голос раненые и непризнательные враги херсонцев ширванские солдаты. Дерзкий, гордый и несправедливый ответ сей огорчил Бурцова, и он в нем видел или полагал видеть отголосок защищавшего крепость Бебутова, который был того же мнения, почему и возродились у них неудовольствия.

В самый день прибытия Бурцова в Ахалцых ширванские солдаты, бывшие на вылазке, грабили предместье, оставленное аджарцами. Может быть, в числе их замешалось несколько херсонских солдат; но, верно, не в большом количестве, ибо они были приведены в порядок, не пускались в город, да и слишком устали, чтобы заняться грабежом. Одного или двух херсонцев ширванцы поймали, поколотили и представили начальству, считая город и право оный грабить неотъемлемой своею собственностью. Сие произвело вновь неприятные сношения между Бебутовым и Бурцовым. Бебутов винил херсонцев в грабеже, Бурцов оправдывал своих и винил ширванцев, и Бурцова в сем случае я полагаю совершенно правым. Я старался помирить их, но они без явной ссоры питали друг против друга скрытное неудовольствие, и дело ничем не кончилось.

6-го числа я занялся различными распоряжениями касательно войск и подвозов, следовавших из Карталинии. Я дал сей день на отдых для войск, ибо располагал предпринять экспедицию в Поцховский санджак для очищения одного от могущих в нем скрываться еще неприятельских партий и наказания жителей за принятое ими участие в нападении на Ахалцых. Между тем я должен был заняться также осмотром Ахалцыхской крепости, которая была в большом беспорядке и требовала значительных исправлений, не терпящих отлагательства, ибо пример бывшей осады показал уже, каким опасностям подвергалась крайность сия оттого, что не предприняли означенных мер в свое время, в чем была ошибка Бебутова, коей поводом служила и беспечность вышнего начальства, не приложившего никакой заботы для приведения всех недостатков в известность и исправления их.

²⁶ Ошибка мемуариста: см. примеч. 102.

Бебутов не находился под моим начальством, и я только пользовался правами старшего в Ахалцыхе; а потому, надеясь, что корпусный командир признает предложенные мною меры насчет исправления крепости необходимыми, я написал в отношении моем к Бебутову: «по воле корпусного командира», дабы предположение мое лучше исполнилось; ибо я знал, что предположение мое сжечь предместье (от сохранения коего гарнизон во время осады столько потерпел) встретило бы некоторые и даже много препятствий, по сердоболию Бебутова: владельцы сих домов, кои не бежали и о благосостоянии коих Бебутов должен был печься по званию своему окружного начальника, приступили бы к нему с просьбами о сохранении жилищ их, и Бебутов не решился бы на сию необходимую меру.

В бумаге, посланной к Бебутову, я изложил главные меры для лучшей обороны крепости Ахалцыха:

1) Истребить все предместье на расстоянии 120 сажен от последней крепостной стены, по вехам, которые уже выставил инженер-поручик Лихачев; для скорейшего же исполнения сего сжечь все означенное строение и разбросать камни, разравнивая место по возможности.

2) Завалить по возможности камнями от сих строений овраг, идущий от главных ворот вниз к реке, дабы отнять через сие средство у осаждающих подходить к крепости закрытым путем.

3) Истребить находящуюся близ главных ворот водопроводную башню, ибо она препятствует действию артиллерии, между тем как вода, посредством ее доставляемая в крепость во время осады, легко перерезывается неприятелем.

4) Истребить третью маленькую стенку, окружающую крепость, ибо стенка сия, не имея ни башен, ни банкетов и не будучи высока, не может служить к обороне, но служит единственно неприятелю, который за нею может укрываться, как то дознано опытом при последней осаде. Конец же сей стенки, прилегающий к цитадели, оставить и выстроить каменный траверс²⁷ от конца к сей башне крепостной стены. В укреплении сем, долженствующем защищать овраг, идущий от главных ворот вверх от реки, поделать банкеты и бойницы.

5) Так как вновь сделанный ход к воде примыкает только к рукаву реки, в который входит воды весьма мало, и воду сию осаждающим нетрудно отвести посредством небольшой плотины, то расширить рукав сей в начала оногo...

Аджарцы, вторгнувшись в предместья Ахалцыха, производили различные неистовства над жидами²⁸ и теми христианами, которые не успели убраться в крепость; ибо христиан Бебутов принял, и из них армянский архиерей пробрался в крепость уже после завладения городом, через нужные места. Из сих христиан некоторые успели укрыться в крепость, оставив жен своих и детей на истерзание свирепых аджарцев. Таким образом, один армянин, вбежавший в крепость, оставил в городе дочь свою, которую, по изгнанию аджарцев, он нашел мертвой, растленной перед домом своим. Аджарцы также мучили жидов и терзали их; мне говорили, что одной молодой жидовке они вырвали грудные сосцы, выкручивая их щипками. Бебутов говорил мне, что нередко по ночам слышны были крики и жалобные стоны женщин в разных частях города, каковые унимались только пущенными из крепости ядрами в ту сторону, откуда происходил шум, для разогнания злодеев и для поражения, может быть, страждущих. Часть жителей тогда же разбежалась, другую аджарцы увели в плен; те же из мусульман или турок, которые принимали с ними участие в нападениях на крепость и грабежах, опасаясь мщения нашего, бежали из города вместе с аджарцами, так что мы застали город уже почти совсем пустой. И из сих остальных многие стали переселяться в Грузию, опасаясь в другой раз подоб-

²⁷ Траверс (фр. *traverse* от лат. *transversus* – поперечный) – открытое защитное фортификационное сооружение в виде поперечного вала, расположенное на протяженном прямолинейном участке. Предназначается для защиты входов, обороняющихся и от поражения рикошетным огнем противника.

²⁸ Многочисленная еврейская община Ахалцыхе была известна с середины XVIII в. Евреи селились в особом квартале к западу от крепости.

ного разорения, и продавали дома свои, чем воспользовались тогда некоторые чиновники наши и скупали дома сии.

Пленных вовсе почти не было взято, и причиною сего находили то, что вылазка была слишком поздно сделана; но и взятые несколько человек большей частью были из жителей близ лежащих деревень; из аджарцев же почти никто в плен не попался.

Потеря неприятеля была в печатных известиях без меры преувеличена. Я старался о сем узнать, и уверяли меня, что самой большой мерою потеряли турки убитыми и ранеными во все время осады и бегства до 700 человек; иные говорили, что урон их состоял только из 70 человек убитыми и ранеными. Артиллерия наша точно стреляла много, но без толку, так что осаждающие ее не боялись и смеялись тому, говоря, что мы стреляли через них по самым отдаленным горам, на людей, идущих поодиночке.

Нет сомнения, что Бебутову, по званию окружного начальника, следовало принять меры к ограждению невинных в готовящемся мщении. И кому было, как не ему, указать невинных? Но по приемам его и действиям казалось, что он, от доброго своего сердца, принимал во всех участие и вступался в дело сие по ходатайству всех приходивших просить его о пощаде. Во все время экспедиции моей, предпринятой в горы для рассеяния партий неприятельских и усмирения восставших жителей, я по возможности принимал в уважение его ходатайства; но Бурцову всех более сие не нравилось, и он обвинял Бебутова в пристрастии к своим единоземцам. Бурцову не хотелось никого щадить, и, поистине сказать, все мусульмане, движимые равным чувством ненависти к нам, равно участвовали в сем всеобщем восстании, а потому и заслуживали равного наказания. Может, участвовали и армяне; но сие было большей частью с принуждения, и они точно потерпели большое разорение от набега свирепых аджарцев.

Перед выступлением моим я приказал отслужить благодарственное молебствие и панихиду, на коих присутствовали наряженные от полков люди.

Отряд выступил 7-го числа на рассвете. Во всех войсках заметна была необыкновенная бодрость и желание отыскать неприятеля и сразиться с ним. Грузинская милиция составляла полный пятисотенный батальон, который шел, не рассыпаясь, в тесной колонне в назначенном ему месте среди войск наших. Им предводительствовал отставной штабс-капитан Визиров, человек деятельный, усердный и распорядительный, который умел одушевить и держать в порядке своих подчиненных. Места сотенных начальников и офицеров занимали князья и дворяне, которые тщились показать свое усердие и были безотлучны от своих мест. В батальоне сем раздавался дикий звук азиатской зурны, род гобоя или рожка, сопровождаемый громким пением; впереди же батальона шел простой ратник пожилых лет, бедно одетый, по имени Теодор-Швали, или, по переводу, Федоров-сын.

Когда я пропускал мимо себя войско сие, осматривая оное, то Теодор-Швали подбежал ко мне с весьма странными приемами, знаменующими как будто сумасшедшего, поклонился мне в ноги, пожелал успеха и отбежал опять с теми же странными скачками вперед колонны. На губах его была какая-то улыбка, выражающая понятие о нечистых духах, леших или домовых. Слова его были быстры, коротки, взгляд нечеловеческий. Голова его была седая, а все движения и скачки совершенно диавольские. Меня поразили его вид и эти приемы оборотня, и я спросил у Бурцова, что это за лицо? Ответ его совершенно соответствовал возродившемуся во мне понятию о Теодоре-Швали, и во время продолжения пути Бурцов сообщил мне, что все грузины о Теодоре-Швали имеют понятие как о духе, принявшем на себя вид человека, владеющем адскими силами, и полагали его чародеем. Он был житель Карталинии, но редко навещал деревню свою, а имел более пребывание в горах Боржомского ущелья, в коих земское начальство постоянно несколько лет нанимало его с прочими за караульщика. Он неохотно покидал сии горы, в коих оставался в летнее время года один, проживая неизвестно каким промыслом, но полагали, что охотой и рыбной ловлей. Все тропинки и проходы сих гор были ему коротко известны, и он не имел в них постоянного жилища. Бурцов сам в первый раз увидел сего таин-

ственного человека вдали на горе, чем-то занимавшегося, и когда к нему подошли солдаты, то он не прекратил занятий своих и продолжал плести из прутьев какую-то корзину. На вопрос, что он делал, он отвечал: «Плету сажалку, чтобы рыбы в реке поймать и поесть». Его тогда привели к Бурцову; тот оставил его при милиции и употреблял для отнosa бумаг и сообщения с ацхверским комендантом, от коего его в то время разделяло турецкое войско, занявшее всю верхнюю половину Боржомского ущелья. Теодор-Швали возвращался с ответом исправно и весьма скоро, проходя через места, занятые турками. Сему не удивлялись грузины, ибо по давнишнему сказанию они верили, что Теодор-Швали не ходил, а ездил верхом на медведе и сим способом переносился с необыкновенной быстротой из одного места в другое. В самом деле, непонятно, с какой скоростью он проходил самые большие пространства в сих горах, и надобно думать, что он сие делал бегом, имея большую привычку к движению и к горам сим, в коих он считался как будто хозяином. В народе ходили различные сказания о чародействах его, и некоторым непонятным поступкам его были свидетели русские офицеры, например: будучи однажды послан для отыскания, куда скрылся один турецкий всадник, приехавший на разбой и усакавший в горы, Теодор-Швали побегал по следам его и, возвратившись через несколько часов назад, доставил письменное свидетельство о том, что был на дальнем посту, а в доказательство быстроты, с коей турецкий всадник скакал в горах и по скалам, принес с собою полную полу подковных гвоздей, будто бы им собранных на пути турка, потерявшего их из подков лошади своей при трудном побеге по утесам. Теодор-Швали имел много связей и знакомых между турецкими жителями ахалцыхских деревень, которые его тоже находили чудесником, и грузины говорили, что он ни в каком случае не подвергал себя опасности, навещая станы их. Но кончилось тем, что, при обратном следовании моем из Поцхо, он отлучился с несколькими грузинами за реку для грабежа в одну отдаленную деревню, лежащую в горах, где и был убит. Ходившие после для отыскания его нашли только одно тело его обезглавленное. Грузины смеялись сему, говоря, что он надует всех турок, отыщет свою голову и опять явится к нам, и что происшествия такого рода с ним не в первый раз случались. Но Теодор-Швали более не являлся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.